

18+

Карина Нагорная

**Элиминация
ДУШИ**

Карина Нагорная
Элиминация души

«Издательские решения»

Нагорная К.

Элиминация души / К. Нагорная — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-967747-1

Каким представляется человек, которого и в зрелом возрасте все зовут просто по имени? Добрым, успешным, располагающим к себе? Безусловно. Но можно ли утверждать, что при всём зримом благополучии в его душе штиль? Откуда берутся гнетущие вопросы «а что, если», и почему его сердечные порывы не всегда логичны? Ни одна история не обходится без порока. Избавление — тонкое искусство, а элиминация души как исцеление любовью.

ISBN 978-5-44-967747-1

© Нагорная К.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	8
Глава третья	10
Глава четвёртая	13
Глава пятая	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Элиминация души

Карина Нагорная

Жизнь на расстоянии – платонизм. Платонизм – философия. Вот почему, когда у меня часто бьётся сердце по тебе, я философствую.

Марина Цветаева, Борис Пастернак

«Души начинают видеть»

Не о тебе, но посвящается.

Внимание, выдумка.

Дизайнер обложки Антон Кравченко

© Карина Нагорная, 2020

© Антон Кравченко, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4496-7747-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

*В небесах ангел не представляет собой ничего особенного.
Джордж Бернард Шоу*

Вы когда-нибудь встречали ангела? Не человека, чьи помыслы чисты, порывы полны добродетели и великодушия, кто ведёт тихую скромную жизнь, любому пагубному деянию найдёт оправдание, даст приют путнику и накормит голодного. Настоящего ангела? Вряд ли, но знайте, я существую.

Мне всегда было любопытно наблюдать за воображением людей, пытающихся придать нам облик. Что они обычно представляют? Милое лицо, нимб, крылья за спиной, белоснежное платье и дымку, окружающую фигуру? Мозаики, картины, книги – большинство источников рисуют нас именно такими. Они одновременно лживы и правдивы, ведь ангелы бывают разными.

Одни, которым дарована ответственность за моральный облик человечества, сидящие на плече, охраняющие, наставляющие на истинный путь, призывающие к благодати и благородству, действительно как с картинки. От них исходит особый свет и очень приятный аромат – правильный аромат, как и вся их жизнь. А есть ангелы, которые только учатся быть такими. Они ещё не смогли полностью избавиться от мирского, поэтому выглядят как обычные девчонки и мальчишки, парни и девушки, женщины и мужчины, одетые так, как привыкли одеваться до небесной жизни. Они навещают знакомые места, следят за близкими и не очень людьми, предаются воспоминаниям и ностальгии, периодически впадают в уныние и теряют интерес к потенциально возложенной на них миссии. Их никто не видел, о них никто не знает. Я один из них, меня зовут Алекс, мне двадцать три года.

Вообще, я – Алексей, имя моё сократилось уже здесь, но я никак не могу вспомнить, при каких обстоятельствах и кто впервые меня так назвал, сколько времени потребовалось для выработки привычки и условного рефлекса для реакции.

На небесах не представляются. Каким-то непостижимым образом ты всегда знаешь имя того, кого встречаешь, будто список всех возможных имён, которыми могут зваться люди любой расы, национальной принадлежности и вероисповедания, записаны на подкорку, и ты всего лишь сопоставляешь конкретные черты лица, цвет глаз, волос, голос и жесты с одним из них и никогда не ошибаешься. Не знаю, как это работает, правда.

Конец мой не был трагичным. В том плане, что я не погиб в автокатастрофе, не свёл счёты с жизнью путём суицида, меня не придавило бетонной плитой среди пожеженного летнего дня – я болел. Долго, серьёзно, без шансов на излечение. Я, как и мои родные, за долгое время моей болезни смогли свыкнуться с мыслью, что когда-нибудь уйду. Надо отметить, что хоть мой диагноз и был редким и не имел противников в виде дорогостоящих медицинских препаратов, да и в нашем с ним бою он был бесспорным победителем, жить он мне не мешал. В моей жизни было беззаботное детство, интересная юность, чудесная семья, весёлые друзья, любовь, спорт и книги. Ох, как же я любил читать.

Теперь я – ангел. У меня нет нимба, нет крыльев, облачён я в поло и голубые джинсы, у меня светлые волосы, зелёные глаза, слишком большие, как мне кажется, для моего лица, я чуть выше среднего и единственное, что я могу пока делать в новом качестве – наблюдать за действиями и мыслями любого человека.

Я не могу говорить с вами, не могу даже косвенно влиять на вашу жизнь, мой удел – незримое присутствие. Мне предстоит долгий путь, прежде чем я стану чем-то большим, значимым, необходимым. Но даже осознание этого благородного шага, все те улучшения, кото-

рые произойдут, окажись я выше, видимо, не стимулируют меня настолько, раз я до сих пор не могу отказаться от праздного скитания.

Если бы кто-то спросил меня, сколько дней прошло с того момента, как я попал сюда, я бы не ответил. На небесах времени нет. Как ни старайся, ни за что не получится его ощутить. Поэтому я чаще бываю на Земле, слежу за тем, как Луна сменяет Солнце, считаю дни, месяцы и годы, проведённые там, и никогда не устаю. Могу сказать, что давно перестал посещать свой дом и родных. Для этого мне хватило уверенности, что они смогли окончательно примириться с утратой, и жизнь их продолжилась. Пусть у каждого из них и была небольшая, но неподдающаяся восполнению брешь в душе, они жили. С улыбками, слезами, счастьем и невзгодами – жили так, как и подобает людям.

Я наблюдал, как каждый из моих друзей находит свой путь к собственному пониманию успеха, встречает свою судьбу, дарит миру новую жизнь, заводит собаку или кошку и проводит гаражные распродажи, избавляясь от старого, освобождая место для нового. Я видел, как моя девушка, наконец переболев и отпустив меня, обрела новое счастье. Я перестал заглядывать к старым знакомым, перестал навещать места былой памяти, я даже перестал следить за реалиями тех, чья жизнь раньше мне казалась картинкой глянца, полной побед, свершений, красоты и роскоши. Я всякий раз убеждался, что не стоит принимать всё на веру, абсолютно счастливых, как и абсолютно несчастных на свете не бывает. Какое-то время я наблюдал за оскорбленными жизнью, пытаюсь понять, как, терпя все лишения, можно остаться человеком, сохранить добродетель и веру во что-то светлое. Потом за сильными мира сего, убеждаясь, что их жизнь, несмотря на весь мыслимый и немыслимый достаток, тоже не обходится без боли и негатива. Потом я где-то услышал, что самые счастливые люди живут в Дании, и поселился там. Мне потребовалось несколько лет, чтобы сделать простой вывод: счастливые люди живут не только на юге полуострова Ютландия.

А ещё я перестал делать всё выше перечисленное после того, как понял, сколько судеб открыто моему взору, каков присущий каждой из них спектр чувств и эмоций. Повороты, переплетения, преграды и взлёты – всё это переживается, пропускается сквозь нутро и вытекает мыслями в виде цветов и запахов. Иногда я вижу всё именно так. Как бы объяснить? Например, когда человек плачет, в его мыслях я вижу главным образом не обидчика, не причину расстройства, я вижу его уязвлённую душу. Очертания становятся расплывчатыми, действительность выкрашена пастельными тонами с редкими вкраплениями ярких красок, и всё вокруг пропитано едва уловимым запахом моря во время дождя.

Ну а потом меня стали привлекать совершенно разбросанные судьбы, я проживал с ними их жизни, их успех и поражения, моменты радости и огорчений, ввязывался в потасовки и слалгал монологи полные морали, совершал преступления и мнил себя филантропом. Если задуматься, я прожил столько жизней, столько зим прошло, а я всё тот же – всё тот же Алекс, всё тех же двадцати трёх лет.

Вы, должно быть, подумали, что книга обо мне? Возможно, я вас разочарую, но это не так. Я мог бы, конечно, рассказать вам уклад небесной жизни, познакомить с главными действующими лицами, поведать про новых друзей, о том, как оборвались их пути и как быстро им удалось принять это, но об этом как-нибудь в другой раз, а сейчас я расскажу историю одной обычной жизни.

После прочтения многие из вас не поймут, почему рассказана именно эта история, неужели нет интереснее, насыщеннее? Есть, конечно же. Как и у всего, что кажется самым-самым, есть альтернатива в виде чего-то лучшего, большего. Но мне всегда казалось, что сама человеческая жизнь и есть предмет особого и часто скрываемого интереса большинства из нас. В противном случае сплетники давно бы вымерли. И поэтому не всё ли равно, кому именно эта история принадлежит?

Глава вторая

*Где умирает надежда, там возникает пустота.
Леонардо да Винчи*

Тесно, очень-очень тесно. С вами бывает такое, что всё нутро наружу рвётся? Вы чувствуете, как повышается температура содержимого под кожей, немой крик и никаких внешних признаков, кроме обжигающей испарины. Нет смысла хвататься за телефон, некуда бежать, некому излить душу, нет сил что-то менять и есть масса причин оставить всё, как есть.

Двенадцатое декабря. В припаркованном у большого коттеджа внедорожнике сидит мужчина. Сегодня ему исполняется шестьдесят, и даже в эти шестьдесят для всех он просто Макс.

В его жизни есть всё, о чём только можно мечтать: любимая жена, двое детей, огромный пёс, достаток, путешествия по самым нетронутым уголкам планеты, работа, приносящая удовольствие, спорт, а теперь ещё и свободное время, которое он тратил на то, что раньше приходилось откладывать в долгий ящик: он смог сыграть партию в гольф до конца, впервые за долгое время посетил театр и наконец, собрал и разукрасил модель самолёта, начатую ещё несколько лет назад.

Он полон сил, красив, зрел, спокоен, опытен. Он должен быть счастлив, но сейчас он не может пошевелиться. Его руки сжимают руль так, что на алькантаре остаются вмятины. Он смотрит на свой дом, окрашенный в белый цвет, на пустое крыльцо, садовая мебель с которого давно убрана, следит за миганием развешенных повсюду гирлянд, наконец замечает, что венок, украшающий входную дверь, в этом году другой – супруга давно просила обратить на него внимание, ведь это плоды её кропотливых трудов.

Потом он заглянул в окно и увидел старательно накрытый стол и своих близких, собравшихся в гостиной в ожидании его прихода – сегодня же праздник. Он перевёл взгляд на качели, вспомнил, как старательно мастерил и заботливо вешал их в первый месяц рождения сына, как менялась листва на дереве, на котором они висели. Он видел, как его уже такая взрослая дочь украшает на кухне торт – она испекла его сама специально для него, и слегка улыбнулся, глядя как скачет вокруг неё пёс в надежде урвать побольше еды со стола. Сидя с выключенными фарами, он смотрит на то, как кипит его счастливая жизнь, на свой дом – полную чашу. И ему давно пора бы переступить порог, но пока он не может покинуть сиденье машины.

Его сердце сжимается в тисках, хоровод мыслей до тошноты кружит голову. Фантазии, ожидания, все эти «что, если» накрывают невидимой лавиной, не оставляя шанса выбраться из неё без посторонней помощи. Под прессом собственных мыслей он уже который раз пытается представить жизнь, которой не суждено случиться, и вновь прийти к спасительному выводу, что все принятые им решения, каждый сделанный выбор и взятое на себя обязательство были верными, что никак иначе не могло произойти, и он по-настоящему доволен своей жизнью.

Всё-таки шестьдесят совсем немного для мужчины, состоявшегося и не имеющего проблем со здоровьем, но к подобным умозаключениям уже давно пора было прийти.

Видимо, так устроено, что людям, чья жизнь на самом деле весьма благополучна, кто обладает многим и должен уметь ценить это и быть преисполненным благодарности, часто не хватает приключений, драмы или ещё чего-нибудь отсутствующего в их повседневности. Выбор зависит от склада характера и темперамента. Макс натура романтическая. Хоть способность на безрассудства тщательно скрывалась, а с годами он и вовсе обзавёлся бронёй, ограждающей от чувственных проявлений, он влюблялся. Правда, влюблялся он каждый раз в одну и ту же. Это чувство преследовало его многие годы перманентно, фоном, а иногда перетекало в коматоз, лишая возможности мыслить рационально.

Нет, это не мешало ему любить свою жену, и да, он разделял и никак не смешивал чувства к обеим небезразличным ему женщинам. Так бывает, что большое сердце способно на такого рода мутации.

Жену он любил по-настоящему. Моралисты возразят, затопают ногами и скажут, что любовь подразумевает верность, особенно духовную. Я не стану принимать чью-то сторону, давно научился не фонтанировать идеями в стиле максимализма и понял, что жизнь многогранна и оттенков в ней не счесть, поэтому и вы не спешите судить. С женой он прошёл через многое, их отношения всегда были и остаются живыми, она родила ему двоих чудесных детей, он делал всё возможное и нет, чтобы она ни в чём не нуждалась, он позволял ей быть собой, даже когда в её голове черти отплясывали джайв, создал все условия, чтобы она могла наслаждаться каждым днём. Он не мог представить свою жизнь без неё, никогда не помышлял об уходе и за все годы не позволил себе даже лёгкого флирта ни с кем, кроме одной. Удивительно, но он искренне не считал это изменой. Может быть, потому, что каждый раз принимал это за помутнение рассудка, сбой программы, что-то несвойственное его реальной жизни. Он подсознательно не верил, что эти отношения могут к чему-нибудь привести. Но если это так, почему после каждой их случайной встречи, в моменты, когда их эфемерный корабль вдребезги разбивался о несуществующие скалы, ему было так больно? Почему он неделями вспоминает время, проведённое с ней, ищет иной смысл в словах, порой тешит себя несбыточными надеждами и задаётся вопросами, на которые не существует ответов? Каждый раз один и тот же набор из душевных мук, отсутствующего аппетита, бессонных ночей, меланхоличной музыки и волнами накрывающих воспоминаний. Единственное отличие – новая депрессия пополнялась ещё одной страницей их истории. Но это уже давно стало ритуалом – он так очищался и освобождался.

Да, ему давно пора бы переступить порог, но он знает, что не сделает этого до тех пор, пока не вспомнит каждый эпизод, заново не переживёт тех эмоций, не извратит обстоятельств, и, когда подсознание сделает последний мазок по холсту с изображением их романа, он наконец-то отпустит её. И в этот раз отпустит не временно, а точно навсегда.

Глава третья

Невысказанная любовь – тяжкое бремя.

Дэнни Шейнман

Наблюдая за людьми, я заметил, что совсем немногие говорят о любви к дождю, ведь большинство не испытывает к нему даже лёгкой симпатии. Женщин раздражают испорченные причёски, мужчин – грязная обувь и забрызганные брюки. Дождь любят, как правило, дети. Малыши практически ко всему питают интерес, а тут лужи, ручейки, непонятный, но удивительно приятный шум, капли на траве, потяжелевший песок и потемневший от сырости асфальт – столько всего, ну как это можно не любить? Взрослым просто необходимо научиться хотя бы иногда смотреть на привычные им вещи глазами ребёнка – навык покруче любого курса психотерапии.

Лично я обожаю дождь. Смотреть на мокрые улицы, разглядывать пешеходов, прячущихся под зонтами, а после жадно вдыхать запах прибитой пыли – да, это определённо по мне. Дождь парадоксален – наводя серость, он очищает город, питает почву и в конце дарит радугу.

В небольшой школе одного из пригородов Санкт-Петербурга, в одном из классов за партой сидит Макс. Он не слышит учителя, не замечает шуточек соседа, а сквозь прилипший к окну кленовый лист смотрит на пустое футбольное поле, поливаемое с неба. Хорошо, что сегодня нет физкультуры, он никогда не любил бегать в зале. Затем Макс всё-таки замечает багровое пятно в виде листа, прибитого к стеклу, переводит взгляд на деревья, растущие на школьном дворе, и отмечает, что осень в этом году особенно красивая, яркая даже в такую серость. Да и урок, надо признать, интересный – Макс любил физику, но почему-то очень хотелось домой. И дело даже не в том, что все люди немного с ленцой в пасмурную погоду, таким было его сегодняшнее настроение. Если обобщить и свести к одному, было оно апатичным. Сияй в тот день солнце, он всё равно бы рвался к кровати. Как назло, последний урок тянулся особенно долго. Но вот он, наконец-то, долгожданный звонок.

С самого утра по наружным карнизам стучит барабанная дробь, лужи выходят из собственных берегов, яркая листва падает на землю, замирая под грузом тяжёлых капель. Ещё тепло, но сырость заставляет школьников быстро расходиться по домам.

Макс всегда учился хорошо, уже в средних классах он сам для себя чётко решил, куда будет поступать после окончания школы, и знал наизусть, какие предметы необходимо сделать упор. Сознательный выбор сознательного молодого человека.

Отношений с девушками он не заводил, свой подростковый интерес он сублимировал в спорт.

Именно так, он учился и занимался спортом. Не участвовал в школьной самодеятельности, редко посещал дискотеки, проводимые в большом актовом зале примерно четыре раза в год, не отправлял четырнадцатого февраля валентинки и не вносил свой вклад в день самоуправления, когда ученики старших классов проводили уроки у младших. Всё, что он делал в школе – впитывал знания и веселился на переменах с друзьями.

Уже пройдя длинный коридор, с одной стороны освещаемый молочным светом, доносившим сквозь широкие окна, он вспомнил, что забыл сдать тетрадь. И как бы велико не было желание продолжить путь домой, он заставил себя вернуться.

Впервые он увидел её, выходя из школы в тот дождливый день, когда ему так не терпелось скорее попасть домой. Она замешкалась в дверях, попятилась назад, наступила ему на ногу и толкнула плечом.

– Извини.

Почему извини, а не извините? Откуда она знает, что он тоже школьник, а не учитель или чей-нибудь родитель? Она ведь даже не обернулась и не взглянула на него, а комплекции у них явно были разными. И это её «извини» сказано было стихийно и механически. Что это, подростковая социофобия? А по внешнему виду не скажешь. Она натянула на голову серый капюшон лакированной куртки, накинула на плечи рюкзак, засунула руки в карманы и быстрым шагом отправилась в сторону дома. Два хвоста, ботинки в цвет колготок и тёмно-синяя юбка чуть выше колена. Возможно, не будь он в тот день так погружён в себя и не забудь сделать то, что несколько раз было озвучено учителем, он ушёл бы из школы раньше, дошёл до дома, провёл бы весь день в состоянии морального разложения, на автомате выполняя необходимые действия, и завершил бы этот этап социализации, так ни разу с ней не столкнувшись.

Она явно выделялась из толпы, но почему-то до этого момента Макс ни разу её не замечал. Даже в небольшой школе небольшого города люди могут оставаться незнакомыми и даже незаметными для собственных глаз. Он смотрел на неё машинально, но в память успели врезаться серые глаза маленькой девочки – она явно была младше его. Большие, светлые глаза, особенно выделяющиеся на фоне контрастирующих волос. У него не возникло никаких романтических чувств, ему даже не захотелось познакомиться с ней, но вечером, когда все дела были закончены и можно было заниматься чем угодно, он почему-то вспомнил о ней. Просидел с пару минут, глядя в одну точку, думая о незнакомой девочке.

На следующий день Макс заметил её в очереди в столовой, потом на одной из перемен, затем у школьного магазина. Она стала всё чаще попадаться ему на глаза, и хоть иногда он провожал её взглядом, у него не было к ней никаких чувств, простое любопытство со странным оттенком и совершенно необъяснимый интерес, никак не задевающий душу.

В один из дней урок его класса проходил в том же кабинете, где у неё только что закончилась биология. Тишина сменилась на гул и смех школьников, спешащих кто куда: на следующий урок, в столовую, в библиотеку или за угол школы, чтобы покурить. Она не торопилась. Спокойно собрала тетради и учебники, аккуратно уложила их в рюкзак, забрала классный журнал, забытый старостой, попрощалась с учителем и уже собиралась дотронуться до ручки двери, как та резко раскрылась перед ней.

Они встретились в дверях. Она пару секунд прямо смотрела ему в глаза, легко произнесла «привет», улыбнулась и ушла. Он промолчал, он не умел, как она, с лёгкостью завести разговор с незнакомым человеком да так, будто это была далеко не первая встреча. В этом случае он даже поздороваться не решился, просто не счёл нужным.

Лёгких сердечных вибраций для проявления интереса ему было недостаточно. Сначала лишь пара флэшбеков открытой двери и приятный, не по годам уверенный голос, а потом её расплывчатые очертания стали посещать его по дороге на тренировку, в моменты ожидания продолжения матча, прерванного рекламой, за чтением книг и перед сном. И вроде затронула, коснулась, но для него эта история явно не о первой любви. Он определённо не хотел подпускать к себе эту девочку.

Спустя время, в один из вечеров Макс заметил, что эти вспышки сознания, не имеющие для него никакой перспективы, начинают отвлекать. Тяжело это, с детства быть гиперответственным. Есть цели и четкий намеченный путь к их достижению, всё остальное – лишнее. И скоро он перестал идентифицировать её из многих, перестал записывать на подкорку их редкие случайные встречи в коридорах, запоминать жесты и манеры, а чуть позже и вовсе не замечал её и не думал о ней.

Это была его версия. Тогда он и не подозревал о её отношении к нему, о том, кем был для неё. Той чистой, школьной любовью, где нет места похоти и расчёту. Не знал, что она каждый раз смущалась, видя его. Что закрывала глаза и разглядывала лицо, каким он смотрел в те секунды в дверях кабинета биологии. В песнях, стихах и книгах видела его и идеализировала его себе настолько, что лучше и не представляла. Как просто, оказывается, влюблённому

придумать человека. Присвоить ему качества, о которых тот даже не догадывается, нарисовать героя, а потом искренне разочаровываться, обижая и рая своей богатой фантазией и мнимыми ожиданиями.

Она писала о нём наивные стихи, представляла рядом, выгуливая собаку, но донести свои чувства ему так и не решилась, оставила при себе, прожила, переболела, и бьющая в те годы ключом жизнь быстро не оставила и шанса вспоминать о нём. За редким исключением, первая любовь такая у всех, кому посчастливилось её испытать. Даже если она была безответна, даже если осталась невысказанной, в какой-то момент она проходит, но в то же время не покидает нас до последнего дня.

Школу он закончил на два года раньше. И с его последним звонком они надолго испарились из мыслей друг друга.

Этот эпизод киноленты их романа Макс вспоминал с улыбкой. Сейчас он видел себя тем неопытным мальчишкой, умным, но совсем незрелым, и улыбался, вспоминая маленькую девочку с двумя бантами. Теперь он знал о чувствах, что она питала, и от этого ощущал себя особенным в её глазах, что ещё больше грело душу и заставляло уголки губ подниматься кверху. И он улыбался, глядя на своё отражение в боковом зеркале машины.

Глава четвёртая

*Я бы хотел уметь летать. Чисто из
практических соображений.
Тео Хатчкрафт*

Наверно, стоило сразу сказать, что я ничего не смыслю в писательстве. При жизни я даже на сообщения предпочитал отвечать звонком. Образование моё далеко не литературное, я не знаком с приёмами, используемыми авторами бестселлеров, у меня никогда не было друзей, способных дать дельный совет по прочитанному или оказать протекцию в издательстве. Но здесь у меня столько времени, что грех не попробовать побыть тем, кем даже не мечтал. Правда, всё, что я могу – дилетантски складывать слова в предложения, стараясь сделать это так, чтобы их сочетание передавало суть. Если получится, будем считать, у меня талант, нет – ну, зато скоротал несколько сотен вечеров.

Раньше повествование было простым: завязка, кульминация, развязка. Потом истории научились рассказывать разными способами, порой весьма изощрёнными. Одновременное изложение двух, казалось бы, совсем несвязанных сюжетов, старт с кульминации, начало, полностью меняющееся в конце. При жизни я однажды услышал, что, если бы современную литературу довелось читать людям, жившим двести-триста лет назад, они попросту не смогли бы понять, что хотел сказать писатель. Что ж, объективно, возможности ознакомиться с моим трудом далёким предкам всё равно не представится, поэтому позволю себе продолжить.

Поступив в университет, Макс переехал в Москву. Точные науки давались ему исключительно легко, а его культурному развитию всячески способствовала мама. Она научила его разбираться в живописи, книги он читал исключительно стоящие, она привила ему любовь к классической музыке и сделала традиционным ежегодное посещение Мариинского театра. Спортивный, привлекательный, интеллигентный, перспективный студент – мечта любой первокурсницы. К сожалению, в ВУЗе, где учился Макс, процент девушек был очень мал, да и те оказались не в его вкусе. Он никогда не был надменным – воспитание не позволяло, однако список требований к будущей избраннице был весьма внушительным. Красота этой девушке должна быть присуща и внутренняя, и внешняя, она должна быть умна, ведь он нетерпим к глупости, должна быть хорошей хозяйкой, верным другом и первоклассной любовницей, иными словами – всецело вызывать его восхищение. Что он мог дать взамен? Таким вопросом он почему-то не задавался, скорее всего потому, что пока не приходилось.

В Питере он бывал нечасто. Как правило, прилетал дважды в год на дни рождения родителей, обеспечивающих его финансовую стабильность, хоть он старательно учился быть самостоятельным.

Два дня назад он ночи напролёт изучал ассортимент интернет-магазинов в поисках подарка для отца. Что может подарить студент? Ничего серьёзного, но к счастью Макса, его папа тяготел к современным технологиям. Быть в курсе последних новинок, а уж тем более обладать ими значило для него идти в ногу со временем.

Выбор пал на колонку с голосовым управлением, которую впоследствии можно использовать как часть умного дома. Два дня поисков и красиво упакованная коробочка аккуратно лежит в рюкзаке, пока он бежит глазами по табло вылета в поисках нужной стойки регистрации.

Он попросил место у прохода, непривычно быстро прошёл зону досмотра, выпил традиционный большой капучино с ореховым сиропом, посмотрел пару роликов на планшете и не заметил, как уже выстроилась очередь на посадку. Посидев ещё пару минут, он сунул паспорт и посадочный талон в карман кофты, повесил рюкзак на одно плечо и медленно пошёл в конец очереди, аккуратно обходя чемоданы и сумки незнакомых людей. Но вдруг что-то

заставило его поднять глаза. Если бы она не посмотрела в этот момент в сторону, он, возможно, и не заметил бы её среди многочисленных лиц пассажиров, но глаза выдавали её из тысячи. Она изменилась со школьных лет, повзрослела, похорошела. Стоит, скрестив ноги, в ушах наушники, а телеграмм разрывают чьи-то сообщения. Она не обратила на него внимания, не увидела, как позади него начали цокать люди, ведь он перегородил проход, стоя в паре шагов от неё.

Зайдя в самолёт, ему не пришлось искать её среди других. Волею судьбы ей досталось место рядом.

Она, уже сидя в своём кресле, отвернула голову от иллюминатора, убрала телефон, посмотрела в проход и поняла, что в очереди ей не показалось, это действительно был он. Она внимательно смотрела, как он учтиво позволял впереди идущим людям размещать свой багаж и усаживаться, как он бегал глазами по опущенным мониторам над креслами и за тем, как остановился в одном ряду с ней.

– Ну, надо же. Где бы ещё встретиться двум незнакомым людям, да?

Она смотрела своими серыми глазами, которые не претерпели ни малейших изменений, а взгляд был как всегда игривым и напористым. И конечно же, она улыбалась. Макса и раздражала, и восхищала её манера вести себя с незнакомыми как с родными.

– Ну, да.

Это всё, что он смог вымолвить. Точнее, как вымолвить, скорее, сухо произнести, не отобразив ни тоном, ни выражением лица ни одной эмоции. Положив рюкзак на багажную полку, он занял своё место, зачем-то сразу же пристегнулся и вставил в уши наушники.

Когда трап был убран, в ряду из трёх кресел они оказались вдвоём, и отделяло их друг от друга единственное пустое место во всём самолёте.

– Может, мы всё-таки познакомимся?

Я бы растерялся. Дело не в стеснении, дело в том, что с ней не сразу понятно, какую форму общения выбрать и какие слова использовать. Она добродушно улыбалась и открыто смотрела, но тон при этом был весьма претенциозным. Макс молча повернул голову.

– Согласись, мы могли бы.

Тон стал мягче, а на лице появилась какая-то неуверенность.

– Да, думаю, ты права. Я – Макс.

– Я знаю. По какому поводу в родные края?

И вот оно. Он за минуту счёл её сперва высокомерной, затем ранимой, а теперь она и вовсе, всем своим видом и фразами предлагала ему пообщаться как со старой знакомой.

– У папы юбилей.

Макс был технарём от «а» до «я», даже в платонических отношениях он мог использовать такие слова, как «шкала», «диапазон» и прочие суммы букв, не имеющие к романтике никакого отношения. А тут и романтики-то нет, если не задумываться, конечно. В общем, с мало знакомыми людьми в ответах он был чопорен и краток. В отличии от неё.

– Здорово, поздравляю. Надеюсь, вы чудесно отметите. Юбилей – повод сделать праздник особенным.

Пара минут молчания. Макс убрал наушники.

– Ты доволен своей жизнью?

Вы часто задаёте такие вопросы незнакомым людям, а друзьям, а себе? В какой-то мере это неэтично, в какой-то – провокационно, в какой-то – пагубно. Хотя, о чём должны разговаривать двое, вынужденных разделить полёт в обществе друг друга? Конечно, можно молчать, скажу больше – лучше всего молчать, но тут же совсем другая ситуация, особый случай. Поэтому, в виду отсутствия инструкции по первым актам вербального общения, будем считать, что что бы вы не спросили и не сказали, это находится в пределах нормы.

– Сложный вопрос. Да. Скорее, да.

– Это хорошо. Лично я думаю, что к подобным осознаниям приходят много позже, опираясь на накопленный опыт и познав всю гамму чувств. Можем считать мой вопрос некорректным, а твой ответ – лишь прогнозируемым оценочным суждением. Содержание обычно зависит от настроения, недавно произошедших событий, характера и темперамента. Так, что-то я увлеклась философией.

Макс улыбнулся, ему понравилось её слушать. Спокойный приятный голос, лёгкость витиеватой речи, одновременные сложность и простота изъяснений – в разговоре она не старалась казаться, она просто была. Такой, какая есть. А ещё он отметил скорость формулировок и нетривиальность её мыслей, что доводилось делать крайне редко, учитывая его немногочисленные диалоги с девушками.

– Возможно.

Ох уж эта его многословность.

– А ты интересный собеседник.

Она засмеялась так же легко, как и говорила, и продолжила:

– Я недавно была в Лондоне. Родители отправили за подтверждением знания языка. Не знаю, почему они до сих пор считают меня своей дочерью, ведь вернулась я без сертификата. Зато с языком. Как оказалось, при живом общении он усваивается намного лучше, и пребывание в непосредственной среде в разы эффективнее программы, составленной центром обучения. Обидно, конечно, ведь для его получения мне не хватило всего пары посещений занятий в компьютерном классе. Но, если задуматься, какой результат всё-таки важнее: наличие бумажки, подтверждающей знание английских времён и умение объясняться в рядовых ситуациях, или реальная возможность понимать, что тебе говорят, и быть услышанным в ответ? Я точно родилась, чтобы философствовать, не находишь?

«Жаль, что Питер совсем недалеко от Москвы», – подумал Макс после объявления готовности к посадке. Час пролетел в мгновение, он старательно поддерживал её словесный водопад редкими вставками и не сводил с неё глаз. Эта бесконечная жестикуляция, эмоциональность, жизнь, которую она излучала. Он уже не раз поймал себя на мысли, как же хороша и привлекательна эта девушка. Именно девушка, а не девочка из школы. И ему очень хотелось продлить их встречу, но идей, как это сделать, в голову не проходило, и в зале прилёта возникла неловкая пауза.

– Может, возьмём одно такси? Я закажу Uber, тебя устраивает?

– Спасибо, меня встречают. Я очень рада была с тобой познакомиться и спасибо, что помог скоротать полёт, я и не заметила, как время пролетело. Надеюсь, ещё увидимся. Удачно добрался до дома и ещё раз поздравляю.

Она быстро поцеловала его в щёку, встав на цыпочки, несколько секунд смотрела в его лицо, будто пытаясь его запечатлеть, опустила руки и пошла к выходу. Сделав с десяток шагов, она обернулась, посмотрела на застывшего и смотрящего ей в след Макса и крикнула:

– Пока, Макс, ты правда хороший собеседник.

Засмеялась и тут же скрылась за спинами незнакомых людей, даже не позволив ему попрощаться.

Макс уткнулся в телефон, сжимаемый в руке, и стал пытаться вызвать такси, но одновременно обрушившиеся на него досада, удивление, разочарование и даже ревность мешали сфокусироваться. Интересно, кто её встречает? Куда она поедет? А возвращаться в Москву собирается? Во время полёта он ведь мог многое о ней узнать, но она, почти ни на минуту не умолкая, умудрилась ничего о себе толком не рассказать, а сам он вопросов не задавал. Она говорила о путешествиях, вспоминала забавные случаи, произошедшие с ней, её друзьями и однокурсниками, признавалась, что хоть и любит учиться, не всегда посещает каждую из пяти пар шесть дней в неделю и много ещё о чём, не имеющем особого значения.

За всё время она и виду не подала, как нервничала рядом с ним, потому и говорила на одном дыхании, пока по спине бегали мурашки. Лишь спустя годы он узнал, как колотилось её сердце при прощании, что она сбежала, потому что боялась вновь в нём раствориться, что её никто не встречал, и она согласилась поехать с первым же таксистом, стоящим у выхода из здания аэропорта. Узнал о долгих стараниях не пойти на поводу у чувств, не имеющих никакого логического объяснения, о долгих уговорах и битье по рукам, когда те тянулись что-нибудь ему написать – теперь же это сделать проще, они ведь знакомы.

Но она ушла, не оставив номер телефона и не поинтересовавшись планами на ближайшее время.

Макс ещё пару минут смотрел сквозь экран, потом всё-таки совладал с приложением и вышел на улицу.

С подарком он, кстати, не прогадал, особенно родителям по душе пришлась возможность входить на кухню, одной фразой узнавать погоду в Петербурге, получить развёрнутый ответ и готовить завтрак под любимую музыку, а не бубнёж телевизора – звук у колонки отличный.

Праздник прошёл чудесно, как она и желала. Тихо, душевно, по-семейному. Вечер, оставляющий сладкое послевкусие умиротворения.

Пожелав всем спокойной ночи, Макс зашёл в свою спальню, ещё не успевшую претерпеть изменений, лёг на кровать, взглянул на телефон с неосознанным желанием иметь её номер среди контактов или хоть какую-то связь с ней, и в тот же миг на экране высветилось уведомление о новом сообщении в социальной сети.

Хорошо долетели всё-таки...

Да, одно сообщение всё-таки было. Она потратила около двух часов на поиски его среди своих друзей и их знакомых, окончивших одну школу. Не смогла сдержаться, дала слабину и тут же старательно принялась устранять течь, чтобы не потонуть. Ещё до того, как она получила от него ответ, она знала, что больше ничего ему не напишет.

Сидя сейчас перед низким забором своего дома, Макс вспоминал, как долго не мог уснуть в ту ночь. Тогда он не тешил себя никакими надеждами, ведь он не успел влюбиться – он вообще в то время не понимал, что значит любить, не строил никаких планов, будто зная, что их время ещё не пришло, но ему доставляло удовольствие просто думать о ней и вспоминать её серые глаза. Он отправил ей одно единственное слово в одном единственном сообщении.

Согласен.

Я сидел на пассажирском сидении и видел, как Макс щурится от того, как в области грудной клетки что-то пульсирующе сжимается. Он жалел о несделанном, ведь тогда он был уверен, что она непременно продолжит диалог, но этого не произошло. И сейчас он терзался, что не сумел выразиться иначе, поинтересоваться, как она добралась, или просто отправить смешную картинку. Тогда, быть может, их отношения развивались бы иначе. Они бы отдали дань эпистолярному жанру, следом романтика, узы, жизнь на двоих и прочая розовая вата, как она всегда выражалась.

Она, в свою очередь, долгое время старалась не вспоминать о его существовании. В её студенчестве, в её новой жизни, в её мыслях не будет ему места. Она выросла, а он остался в прошлом вместе с детскими мечтами и грёзами. Уверенное решение, твёрдые намерения и к чёрту вспотевшие ладошки. Прошёл месяц убеждений самой себя в бесперспективности их дальнейшего общения, и вот она уже и не помнит, что совсем недавно они летели вместе, и весь тот полёт ей отчаянно хотелось держать его за руку.

Глава пятая

*Задача сделать человека счастливым
не входила в план сотворения мира.
Зигмунд Фрейд*

С момента их встречи прошло много лет, и ни один из них не находил повода напомнить о себе. Я стал реже навещать её и большую часть времени проводил с Максом, иногда отвлекаясь на случайных прохожих. И порой мне даже удавалось повеселиться.

Блуждая по улицам и закоулкам, вглядываясь в чужие лица, видя их мысли и желания, всматриваясь в их глаза в поисках того соответствия, согласно которому их можно по праву считать зеркалом души, зная, что никто из них не заметит моего пристального наблюдения, я останавливаюсь и случайным образом нахожу объект необъяснимого интереса. Очень быстро я перестал искать причины влечения, стимулы, побуждающие меня проводить минуты, часы, дни, недели, месяцы, годы именно с этими людьми. Ох, сколько же людей.

Однажды на одной из площадей города мне приглянулась девушка. Распущенные волосы, винтаж на теле и ехидный прищур. Игривый, едкий, тонкий. Я наблюдал, как она постоянно поправляет волосы, желая сохранить укладку и споря с ветром, который плевать хотел на её желания – у него свой танец. Видел, как она смотрит на часы, а потом сверяет время с экраном телефона. Она ждёт подругу, с которой хоть и знакома уже много лет, близко общаться стала совсем недавно. Это настоящая, искренняя, взаимная симпатия, но объединили их не только приятное общение, душевные разговоры и моментально возникшее доверие, они обе испытывали трудности с зачатием и обе уже почти маниакально хотели стать мамами. Нужда, боль, отчаяние, горе, обида – берём одну из сфер, ищем базис в виде конкретных событий и получаем нерушимый союз, построенный на поддержке и чьей-то способности разделить с тобой гнетущее. Счастье, если союз этот не распадается в момент, когда один из переживающих перестаёт быть таковым, переболев, забыв, получив, отпустив. Неплохая проверка на прочность.

Теребя браслет, она продолжает ждать подругу, ещё не зная, что пятнадцать недель назад та покинула ряды желающих и пополнила когорту ожидающих светлого и столь долгожданного события. В общем, выражаясь проще, подруга беременна.

Эта новость была озвучена сразу же после «привет». Услышав её, она смогла тут же заглушить то кольнувшее внутри и была искренне рада, обняла и поздравила. Они долго гуляли по парку, расположенному поблизости, потом сидели в кафе, наслаждаясь облепиховым чаем и творогом с вареньем, и обе были счастливы находиться в обществе друг друга.

– Наверное, это странно, но мужу я ещё не говорила. Как думаешь, может, носочки детские купить или пустышку, а ещё можно, как в кино, капусту везде разложить, снимок УЗИ повесить или в рамочку поставить. В общем, думаю, сюрприз надо сделать.

– А ты аиста заведи. Он вам гнездо на люстре совьёт, ты же как раз хотела элементы сканди в интерьер добавить, да и для мужа точно сюрприз будет.

Хорошая подруга, настоящая. Лишь единицы способны быть искренне рады чужому счастью, когда у самих на душе скребут кошки. Господи, пусть таких людей будет как можно больше. Пожалуйста, я же знаю, ты слышишь. А про аиста смешно.

В апреле следующего года я наведалься в роддом. Погода в тот день была чудесной. Весна во всей своей красе, с ярким блином тёплого солнца на фоне голубого неба, нетронутых облаками. Луи ночного дождя, артериями и венами покрывающие улицу, пение птиц, опущенные окна автомобилей и уже повсюду видны короткие юбки под каблуки.

Вы знали, что весной, всей календарной весной, воздух пахнет едва распустившимися бутонами пионов, имеет вкус гуавы с земляникой и небрежно украшен мазками из лилового

в бордо. Как жаль, что вы не можете этого видеть и чувствовать, ведь, возможно, ко многому вы стали бы относиться иначе. Именно эти неосязаемые краски, запахи и вкусы делают сознание легче, невесомей. Люди открывают душу, вбирая в себя всю силу природы, готовящуюся к буйному рождению, росту и цветению. Люди влюбляются. По уши, до умопомрачения, впервые и заново, каждый раз в нового или в одного единственного, пылко и открыто, скромно и про себя. Люди мечтают, а мечтать интереснее вместе, продуктивнее. Люди хотят жить, бьёт внутри ключом и всё естество неконтролируемо стремится вырваться, скинуть шкуру и парить, даря себя и получая взамен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.